

УДК: 81'37

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА:
К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ**
Л.Р. Безуглая (Харьков, Украина)

Л.Р. Безуглая. Семантика и прагматика: к проблеме соотношения понятий.

Статья посвящена вопросу о соотношении семантики и прагматики, который решается в зависимости от трактовки этих терминов: с точки зрения историографии, семантика первична по отношению к прагматике; с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания семантика и прагматика взаимообусловлены; с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике. Основное различие семантики и прагматики лежит в плоскости методологии. Основопологающим методологическим свойством прагматики является принцип антропоцентризма, проявляющийся в рассмотрении содержания высказываний с позиции говорящего субъекта, что позволяет анализировать имплицитные смыслы, актуализирующиеся в дискурсе, в синхронном аспекте, а также процесс их конвенционализации в диахронном аспекте. Семантика предполагает методологический принцип лингвоцентризма, который обуславливает анализ конвенциональных смыслов высказываний преимущественно в синхронном аспекте.

Ключевые слова: антропоцентризм, диахрония, лингвоцентризм, прагматика, семантика, синхрония.

Л.Р. Безугла. Семантика і прагматика: до проблеми співвідношення понять.

Статья посвящена вопросу о соотношении семантики и прагматики, который решается в зависимости от трактовки этих терминов: с точки зрения историографии науки, семантика первична по отношению к прагматике; с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания семантика и прагматика взаимообусловлены; с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике. Основное различие семантики и прагматики лежит в плоскости методологии. Основопологающим методологическим свойством прагматики является принцип антропоцентризма, проявляющийся в рассмотрении содержания высказываний с позиции говорящего субъекта, что позволяет анализировать имплицитные смыслы, актуализирующиеся в дискурсе, в синхронном аспекте, а также процесс их конвенционализации в диахронном аспекте. Семантика предполагает методологический принцип лингвоцентризма, который обуславливает анализ конвенциональных смыслов высказываний преимущественно в синхронном аспекте.

Ключові слова: антропоцентризм, діахронія, лінгвоцентризм, прагматика, семантика, синхронія.

L.R. Bezugla. Semantics and pragmatics: on the issue of interrelation. The article deals with the issue of interrelation between semantics and pragmatics, which is settled depending on the salient aspects of the considered branches of linguistics: as far as historiography is concerned, the

major importance lies in semantics; in producing and perceiving speech utterances, semantics and pragmatics are mutually determined; diachronic approach stipulates prevailing pragmatics over semantics. The main difference between semantics and pragmatics belongs in the realm of methodology. The principle of anthropocentrism as a fundamental feature of pragmatics becomes prominent in utterances content analysis in terms of the speaking subject. This allows for the synchronic analysis of implicit meanings actualized in discourse, as well as diachronic insight into the process of their conventionalization. Methodological principle of linguocentrism underpinning semantics provides primarily synchronic analysis of conventional meanings of utterances.

Key words: anthropocentrism, diachronic analysis, linguocentrism, pragmatics, semantics, synchronic analysis.

1. Постановка проблемы

Прагматический поворот вызвал в западном языкознании бурную дискуссию о соотношении семантики и прагматики, продолжающуюся и по сей день. Дискуссия разворачивается с позиций двух теорий – теории речевых актов и теории имплицатур, которые «оказали чрезвычайное влияние на развитие прагматики» [Dascal 1994: 323] и поэтому рассматриваются в качестве ее основных звеньев. Соответственно, выделяются две ведущие предметные области прагматики –

- имплицитные смыслы высказываний, изучающиеся в теории имплицатур Пола Грайса [Grice 1991], и
- иллокутивные свойства высказываний, в частности случаи несовпадения выражаемой и реальной иллокуции, интерес к которым инициировала теория речевых актов Джона Остина [Austin 1962] и Джона Серля [Searle 1969].

Авторы едины в мнении, что различие семантики и прагматики есть различие между изучением буквальных и небуквальных смыслов высказываний – имплицатур и косвенных речевых актов: «Буквальное значение высказанного предложения исследуется семантикой, в то время как аспекты значения, реализуемые на основе контекста, являются предметом прагматики» [Meibauer 2001: 4] (также: [Bach 1997; Gibbs 2002: 482; Schwarz 1996: 31; Wagner 2001: 91; Wunderlich 1980: 304]) (здесь и далее – перевод аутентичных цитат мой, Л.Б.).

Суть различия состоит в том, что семантика изучает, с одной стороны, буквальные смыслы высказываний, с другой – их пропозициональные свойства, а прагматика сосредотачивается, соответственно, на небуквальных смыслах и иллокутивных свойствах высказываний. Однако предмет дискуссии касается не сути семантики и прагматики, а их соотношения: вопрос *Что первично, что вторично – семантика или прагматика?* поднимается в течение уже более полувека. Мнения ученых по этому поводу условно можно разделить на три группы.

Первая группа авторов вслед за Г.П.Грайсом [Grice 1991] видят прагматику как продолжение семантики, своего рода «пост-семантику» [Вандервекен 1990: 35; Лакофф 2004: 753; Bird 1997; Gibbs 2002: 483; Keller 1975; Preyer 1997: 107ff; Récanati 1993; Rolf 1997]. При этом прагматика

понимается как свойство высказывания содержать импликатуру. Например, Грэхем Бёрд говорит о прагматической интерпретации, которая основывается на семантических свойствах высказывания: прагматика «определяется теми аспектами интерпретации, которые находятся вне семантических черт высказывания», однако основываются на них [Bird 1997: 73f].

По Г.П. Грайсу, «то, что имплицируется» (*what is implicated*, импликатура) зависит от «того, что говорится» (*what is said*, экспликатура) [Grice 1991], поскольку «существует обязательная, хотя и не непосредственная связь между тем, что люди имеют в виду, или намереваются сказать, когда говорят, и тем, что конвенционально считается смыслом используемых ими слов» [Лайонз 2003: 21]. Эту идею Г.П. Грайса развил Дж.Р. Серль в своем принципе выразимости: “*whatever can be meant can be said*” – «все, что мы имеем в виду, может быть выражено словами» [Searle 1969: 32], т.е. слова – выразители наших мыслей.

Раймонд Гиббс, говоря об особенностях ментальной обработки языковых данных, подчеркивает, что «понимание того, что говорящие говорят буквально, требует привлечения семантической информации, в то время как понимание того, что говорящие подразумевают в контексте, требует прагматической информации, которая доступна труднее, чем семантическое знание» [Gibbs 2002: 459], поэтому семантика представляется своего рода первой ступенью в интерпретации высказываний, а прагматика – второй, более значимой.

Вторичность прагматики зиждется на ступенчатом представлении Ч. Моррисом аспектов семиотики, предполагающем прерогативу нижних уровней: *синтактика – семантика – прагматика* [Prayer 1997: 109]. Каждый последующий уровень представляет собой продолжение предыдущих и не мыслим без них, так что и прагматика предстает как дисциплина, полностью зависящая от семантики и синтактики, ср. определение Дэниела Вандервекена: «Прагматика, трактуемая как теория значения говорящего, включает в себя семантику, понимаемую как теория значения предложения» [Вандервекен 1990: 35].

Вторая группа примыкает к Стивену Левинсону, считающему, что прагматика и семантика взаимообусловлены, их нельзя разрывать – прагматика работает и «пост-семантически», и «пре-семантически» (так называемый «замкнутый круг Грайса» – *Grice's circle*) [Bach 1997; Korta 2008; Katsos 2012; Levinson 1995: 15ff; Levinson 2000: 17; Müller 2003: 26; Nieraad 1975].

Описывая скалярные импликатуры, имеющие отношение к линейному множеству языковых единиц, упорядоченных на шкале по степени информативности, С. Левинсон приписывает экспликатуре и активную, и пассивную роль – она не только определяет импликатуру, но и определяется ею [Levinson 2000: 17]. Вопрос о соотношении семантики и прагматики предстает как проблема «курицы и яйца»: «аутпут семантических процессов служит инпутом для прагматических процессов», и наоборот, «аутпут прагматических процессов может служить инпутом семантических процессов»

[Levinson 2000: 172]. Следовательно, семантика и прагматика неразделимы, однако в первом случае следует говорить о предложении, во втором – о высказывании [Levinson 1995: 18].

Роджер Шенк, Лоренс Бирнбаум и Джэкоб Мэй говорят о функциональном единстве семантики и прагматики как об областях знания с позиций теории искусственного интеллекта: их объединение основано на том, что между уровнями языка не существует функциональных различий, «семантические знания применяются в процессе обработки языковых данных точно так же, как прагматические», «понимание достигается объединенным применением семантических и прагматических знаний» [Шенк 1989: 33]. А по мнению Юргена Нираада, моделирование процессов создания значения и смысла должно быть прерогативой не отдельно семантики или прагматики, а совместно семантики и прагматики, а именно прагмасемантики [Nieraad 1975: 64].

Третья группа авторов представляют семантику и прагматику как обособленные, независимые свойства высказываний, типы их значений [Bierwisch 1980; Carston 2002a; Carston 2002b; Hawley 2002; Katz 1980; Wunderlich 1980]. Их основной аргумент заключается в том, что от пропозиционального содержания высказывания, напрямую связанного с языковой структурой, не зависят ни его иллокутивная сила, ни передаваемые говорящим импликатуры. По мнению Манфреда Бирвиша, если «пропозициональное содержание многих речевых актов более или менее определяется языковой структурой» высказывания, что влечет полную взаимозависимость синтактики и семантики, то «различные иллокутивные силы практически не связаны с пропозициональным содержанием» [Bierwisch 1980: 1]. Не связаны с ним и импликатуры, передаваемые говорящим, прежде всего конверсационные, полностью зависящие от дискурсивного контекста [Hawley 2002: 975].

Для обоснования данной позиции привлекается понятие нейтрального (нулевого) контекста, введенное Дж. Катцем [Katz 1980: 14]. Так, Д. Вундерлих пишет: «семантика имеет дело с буквальным значением, т.е. с интерпретацией предложения или его фрагментов в нейтральном контексте», а «прагматика имеет дело с интерпретацией предложений (или высказываний) в более широком контексте, который включает понимание всего дискурса, убеждений и ожиданий говорящего и адресата, их социальные отношения, их обязательства, фонд знаний и т.п.» [Wunderlich 1980: 304]. Таким образом, прагматическая интерпретация высказываний концентрируется на говорящем субъекте и всем дискурсе, а семантическая – на самих высказываниях, этим и обуславливается самодостаточность и автономность прагматики по отношению к семантике.

Автономность прагматики объясняется также ее близостью к когнитивной науке – прагматика понимается как когнитивная система производства и понимания имплицитных смыслов, в то время как семантика представляет собой чисто логическую систему [Carston 2002a: 130].

При всей размытости границ выделенных групп концепций нетрудно

заметить, что в дискуссии наблюдается двойное толкование терминов «семантика» и «прагматика»:

- как исследовательских областей лингвистики, уровней описания языка, лингвистических дисциплин и
- как соответствующих свойств языковых знаков, прежде всего, высказываний, которые они приобретают в процессе коммуникации, т.е. их значений и смыслов.

Разграничивая семантику и прагматику, говорят о семантическом и прагматическом значении. Поскольку «семантика традиционно определяется как наука о значении» [Лайонз 2003: 19], трактовка семантического значения не вызывает сложностей – это значение денотативное, дескриптивное, пропозициональное, когнитивное, референциальное [Лайонз 2003: 58]. А вот в трактовке прагматического значения имеются разночтения. Прагматическое значение иногда понимается в соответствии с указанными прагматическими теориями – как:

- имплицитный смысл высказывания, импликатура [Carston 2002b: 96; Levinson 2000; Schwarz 1996: 29] или
- его иллокутивный смысл, иллокуция [Hermanns 1985, с. 41; Wagner 2001, с. 55].

В настоящей статье отстаивается третья, классическая точка зрения на прагматическое значение – как на интендируемое значение, значение говорящего (*speaker's meaning*) [Grice 1993] или коммуникативный смысл [Bierwisch 1980]. Такая трактовка выводит на принципиальное методологическое различие между семантикой и прагматикой – лингвоцентризм первой и антропоцентризм второй.

Вначале рассматриваются три толкования понятий «семантика» и «прагматика» и в этой связи определяется соотношение семантики и прагматики с точки зрения:

- историографии науки,
- процессов порождения и восприятия высказывания,
- диахронии языка.

Далее на этой основе разграничиваются ведущие методологические принципы семантики и прагматики – лингвоцентрический и антропоцентрический.

2. Семантика и прагматика с точки зрения историографии науки

Если говорить о семантике и прагматике как о лингвистических дисциплинах, очевидной является первичность семантики.

Развитие теории импликатур и теории речевых актов покрыло существенные недостатки логической (формальной) семантики – ограниченность суждениями в форме повествовательных предложений, с одной стороны, и буквальными значениями этих предложений, с другой.

Логическая семантика, базирующаяся на традициях философского анализа

обыденного языка (*ordinary language*), рассматривала суждения, которым предписывалась истинностная значимость (*truth value, Wahrheitswert*) – «истинно» или «ложно». На первый план выдвигался анализ условий истинности суждений в возможных мирах, на основе которого делался вывод об их значениях: «знание значения повествовательного предложения основывается на знании том, при каких условиях оно является истинным или ложным» [Meibauer 2001: 5]. По словам Д. Вандервекена, «условно-истинностная семантика от Фреге и Рассела до Монтегю характеризуется тенденцией к сведению лингвистической компетенции говорящего к его способности понимать условия истинности пропозиций, выражаемых буквально в предложениях языка говорящего в возможных контекстах высказывания», поэтому «внутри самой семантики нельзя получить более или менее полного представления о компетенции самого говорящего в отношении формирования и понимания как буквальных, так и небуквальных речевых актов [Вандервекен 1990: 32].

Небуквальные смыслы, а также высказывания в форме вопросительных, побудительных и восклицательных предложений, которыми пронизана реальная речевая коммуникация, остались неподвластными объяснительной способности логической семантики. Поэтому в ее рамках и возникла прагматика – дисциплина, призванная восполнить эти пробелы и обратиться к использованию языковых знаков в речи коммуникантов, демонстрирующей разнообразные речевые действия и богатой подразумеваемыми смыслами.

Теория имплицатур открывает мир небуквальных, имплицитных смыслов, предоставляя возможность их системного анализа на основе экспликации. Теория речевых актов позволяет изучать не только высказывания в форме повествовательного предложения, но и все разнообразие высказываний в коммуникации – просьбы, вопросы, приветствия и т.п. Условия истинности суждений сменяются условиями успешной реализации речевых актов. Форма уступает место функции.

Это обстоятельство не могло не привлечь внимание к прагматике лингвистов – в 70-е годы XX в. она развивается из философской дисциплины в языковедческую – лингвистическую прагматику, лингвопрагматику, прагмалингвистику. Ведущую роль в ее становлении сыграли лингвисты ФРГ (Дитер Вундерлих, Бригитте Шлибен-Ланге, Гельмут Генне и др.), ГДР (Манфред Бирвиш, Герхард Гельбиг и др.), а также Советского Союза (И.П. Сусов, Г.Г. Почепцов, В.В. Богданов и др.).

Таким образом, можно утверждать, что с точки зрения историографии науки семантика первична, она явилась базой для возникновения прагматики – как философской, так и лингвистической.

3. Семантика и прагматика с точки зрения процессов порождения и восприятия высказывания

Что касается семантических и прагматических свойств высказываний,

то говорить об их взаимоотношении можно только с учетом процессов производства и восприятия этих высказываний субъектами коммуникации.

С точки зрения процесса **порождения** высказывания, первичной является прагматика. Этот процесс именуется также когнитивным сценарием производства речевого высказывания, речепроизводством, смысловыражением, порождением речи, вербализацией и демонстрирует три этапа – смыслообразование, формулирование и артикуляцию (иначе эти этапы называются «концептуализация – формулирование – артикуляция» [Schönefeld 1996: 225], «формирование мысли – преобразование мысли – фонация» [Кацнельсон 1984: 5], «смыслообразование – формулирование – реализация» [Зимняя 1985]). Эти этапы охарактеризованы Л.С. Выготским как движение мысли к опосредованию ее во внутреннем слове, затем в значениях внешних слов и, наконец, в звучащих словах [Выготский 1982: 358].

Этап смыслообразования включает активацию пропозиции и коммуникативной интенции под воздействием стимула, этап формулирования предполагает процесс выбора коммуникантом языковых средств, которые обретают звуковую форму на этапе артикуляции. При этом прагматика высказывания (т.е. его прагматические свойства – пропозициональные, иллюкутивные, перлокутивные, стратегические) формируется на этапе смыслообразования, а семантика высказывания (его буквальный смысл) – на этапе формулирования. Адресант на этапе формулирования подвергает селекции соотношение лексических и синтаксических средств, выбирая наиболее оптимальное их сочетание в соответствии с принципом рациональности на основании своих мотивов, стратегий и тактик.

Если же рассматривать соотношение семантики и прагматики высказывания с точки зрения процессов **восприятия** этого высказывания адресатом, первичной оказывается семантика.

Когнитивный сценарий восприятия речевого акта имеет соответствующие три этапа, но в обратном порядке – слуховое восприятие, декодирование и смыслообразование, и отражает разнонаправленность движения мысли, отмеченную Л.С. Выготским: «говорение требует перехода из внутреннего плана во внешний, а понимание предполагает обратное движение от внешнего плана речи к внутреннему» [Выготский 1982: 313]. При этом адресат на этапе смыслообразования на основе декодируемой семантики высказываний выводит, интерпретирует смыслы и получает представление об интенциях, стратегиях и мотивах адресанта, т.е. о прагматике его высказываний.

Таким образом, с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания семантика и прагматика оказываются взаимообусловленными и неотделимыми друг от друга, неразрывными свойствами всего дискурса.

4. Семантика и прагматика с точки зрения диахронии языка

Как известно, когнитивные процессы формулирования смысла адресантом и декодирования этого смысла адресатом могут иметь разную

степень автоматичности. В зависимости от временных затрат на понимание смысла адресатом, говорят о степени / шкале его конвенционализации [Вандервекен 1990: 37; Busse 1991; Morgan 1978; Sadock 1994: 403; Wiegiers 1991]. При этом делается вывод об эволюционной природе значения: оно «способно изменять свой статус в диахронии, переходя из группы конвенций о языке в группу конвенций языка» [Morgan 1978: 269].

В этой связи очень важной для разграничения семантики и прагматики представляется мысль Д. Вандервекена: «Прагматика <...> обеспечивает связь между синхронической и диахронической семантиками естественного языка. А именно: повторяющиеся структуры небуквального значения говорящего в повторяющихся типах разговорного фона имеют тенденцию воспроизводиться в лексическом составе языка и тогда, когда требования разговорного фона уже забыты. Данное соображение может быть базовым для построения теории изменения значения, объясняющей введение нового буквального значения в языке» [Вандервекен 1990: 36f]. Речь идет о способности оборотов речи становиться единицами языка, которая проявляется в их конвенционализации.

Под **конвенционализацией** понимается процесс приобретения словами и высказываниями конвенциональных значений, «переход субъективного смысла высказывания отдельного коммуниканта в интерсубъективный смысл языкового выражения, которое с этих пор поступает в распоряжение в одинаковой мере всех членов языкового сообщества» [Wiegiers 1991: 7]. Дитрих Буссе описывает данный процесс на примере импликатур следующим образом: «Конверсационная импликатура предполагает цепочку выводов, которая ведет от буквального значения с учетом ситуации, цели и других аспектов <...> к актуальному, подразумеваемому значению. Чем короче становится эта цепочка, тем более конвенционализируется высказывание. <...> Языковое изменение наступает тогда, когда говорящие <...> уже не в состоянии реконструировать все связующие звенья этой цепочки, что влечет за собой <...> употребление высказывания в ситуациях, несовместимых с его исходным, буквальным значением» [Busse 1991: 58].

Для определения, является ли смысл конвенциональным или импликативным, можно воспользоваться тестом, предлагаемым Д. Сэйдокком: «чтобы получить первое представление о степени конвенционализации лексико-синтаксической единицы, нужно выяснить, могут ли альтернативные репрезентации той же самой интенции иметь такой же социальный эффект, – если да, то имеет место малая конвенционализация единицы, если нет, то это уже конвенциональная единица» [Sadock 1994: 403]. Так, классический пример косвенного выражения просьбы *Can you pass me the salt?* можно заменить прямой формой *Pass me the salt please!* – просьба остается просьбой, поэтому данное высказывание считается не конвенциональным, а конвенционализированным, выражающим косвенный речевой акт.

Джерри Морган предлагает другой тест на конвенциональность –

употребление клишированных формул в буквальном значении. Высказывание *Can you pass me the salt?* не выдерживает этот тест, оно вполне допустимо в буквальном значении в ситуации, когда у слушающего сломана рука [Morgan 1978: 269].

А вот немецкие выражения *Wie geht es?* и *wie Sie sehen* являются конвенциональными, закрепившимися в языке, поскольку, во-первых, не имеют альтернативных равнозначных форм, а во-вторых, их буквализация вызывает комический эффект, как в известной шутке основателя немецкой афористики Георга Лихтенберга: „*Wie geht es?*“ *fragte ein Blinder einen Lahmen.* „*Wie Sie sehen*“, *war die Antwort* [Puntsch 1997: 862]. Вероятно, когда-то высказывания *Wie geht es?* и *wie Sie sehen* употреблялись в буквальном значении, но постепенно, в течение длительного периода времени стали фразеологизмами в результате процесса конвенционализации.

Таким образом, анализ индивидуального, авторского смысла, актуализирующегося в дискурсе в виде импликатуры, возможен только с позиций прагматики, с учетом интенций и стратегий говорящего. Без такого анализа, без опоры на прагматику семантика, ограниченная конвенциональными значениями, не способна проследить историческую динамику смысла, состоящую в его конвенционализации, объяснить особенности появления того или иного значения в языке; в лучшем случае, она констатирует его этимологию. Следовательно, диахроническая прагматика является основой диахронической семантики, поэтому можно утверждать, что, с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике.

5. Методологические принципы семантики и прагматики – лингвоцентризм и антропоцентризм

С учетом вышеизложенного становится очевидным принципиальное методологическое различие между семантикой и прагматикой – лингвоцентричность семантики и антропоцентричность прагматики.

В современной лингвистике антропоцентрический принцип противопоставляется лингвоцентрическому (также: субъектоцентризм vs. объектоцентризм [Лакофф 2004: 173] или субъектоцентризм vs. текстоцентризм [Сусов, Безуглая 2009]). Их существенное различие состоит в том, что лингвоцентризм предусматривает изучение языка как данности, зафиксированной в текстах, т.е. в отвлечении от говорящего на нем субъекта, а антропоцентризм рассматривает язык как принадлежащий сознанию человека и реализующийся в его речи.

Семантика концентрируется на языковых единицах, а прагматика – на человеке, который эти единицы использует в речи. Семантика относится к слову, языковому высказыванию, тексту, прагматика – к производителю речевого акта, говорящему индивиду, человеку, формулирующему высказывание. Семантические свойства высказывания можно

проанализировать вне контекста (в нулевом контексте), а для анализа его прагматических свойств необходимо привлечение широкого дискурсивного контекста, в первую очередь, данных об интенциях, стратегиях и мотивах адресанта. Поэтому прагматика предполагает антропоцентризм в качестве ведущего методологического принципа, а семантика – лингво- / текстоцентризм. Это касается понимания семантики и прагматики и как лингвистических дисциплин, и как свойств высказываний.

Следует признать, что теория речевых актов и теория имплицатур демонстрируют следование антропоцентрическому принципу не в одинаковой мере.

Теория имплицатур Г.П. Грайса, основанная на его теории значения говорящего (*speaker's meaning – meaning NN – non-natural meaning*) (в других переводах – прагматического, субъективного значения) [Grice 1993], явилась изначально прагматической, ориентированной на говорящего субъекта – антропоцентрической. В этой связи представляется удачным определение прагматики как общей теории значения говорящего (*speaker's meaning*), разработанной Г.П. Грайсом [Вандервекен 1990: 33].

«Неестественность» этого значения состоит в том, что, в отличие от так называемого «естественного» значения (*natural meaning*) естественных знаков (сыпь означает корь, дым означает огонь и т.п.), *non-natural meaning* связано с тем, что вкладывают в него говорящие субъекты, т.е. со смыслом речевого акта или невербального действия (крик утопающего означает, что ему нужна помощь, покачивание головой означает несогласие и т.п.). Иначе говоря, различие между естественным и прагматическим значением заключается в противопоставлении каузальной обусловленности явлений и интенционального поведения человека – это «различие между намеренным и ненамеренным, с одной стороны, и между тем, что естественно, и тем, что конвенционально, <...> с другой» [Лайонз 2003: 19].

Г.П. Грайс определил понятие прагматического значения в терминах коммуникативной интенции: «‘S имеет нечто в виду, произнося x’, (приблизительно) эквивалентно тому, что ‘S намеревается высказыванием x произвести определенное воздействие на слушающего посредством распознавания им этого намерения’» [Grice 1993: 11]. В этом отношении ‘иметь в виду’ (*to mean*), приравненное к ‘намереваться’ (*to intend*), означает у Г.П. Грайса интендирование (*intending*), «вкладывание» в слова индивидуального смысла, дополняющего буквальное значение сказанного, поэтому более точным терминологическим соответствием термину “*speaker's meaning*” следует считать «интендируемое значение», т.е. смысл.

Такая трактовка прагматического значения полностью опровергает другие трактовки – как имплицитного или иллюкутивного смысла. Имплицитный смысл может быть неинтендируемым, а интендироваться может и эксплицитный, буквальный смысл. Так, Д. Вандервекен пишет: «Иногда значение говорящего (*speaker's meaning*) является буквальным, когда

говорящий намерен осуществить только буквальный речевой акт, выражаемый предложением, которое он употребляет в соответствующем контексте, например, произнося: «Сейчас идет дождь» и намереваясь лишь утверждать, что в момент высказывания идет дождь» [Вандервекен 1990: 31].

Обращение к человеку, говорящему субъекту позволяет теории Г.П. Грайса анализировать не только имплицитные смыслы ассертивных высказываний, но и все высказывания (в т.ч. просьбы, вопросы, обещания и т.п.), тогда как семантические теории значения ограничиваются буквальными значениями суждений, которым предписывается истинностная значимость.

Сущность идеи Г.П. Грайса – смещение значения из объективной реальности в сознание говорящего субъекта – эксплицирована еще Н.Д. Арутюновой и Е.П. Падучевой в предисловии к судьбоносному сборнику «Новое в зарубежной лингвистике», посвященному прагматике: в то время как в объективистской семантике значение рассматривается как нечто, определяемое объективной реальностью и базирующееся на референции и истинности, «в теории Грайса произошла смена деятельностного «субъекта значения»: если в бихевиористской психологии роль стимула (или каузатора) придавалась самому значению, то Грайс отдал ее говорящему» [Арутюнова, Падучева 1985: 13].

Что касается **теории речевых актов**, то она в своем изначальном варианте была ближе к семантике, нежели к прагматике. О семантической ориентированности классической теории речевых актов говорят многие ученые. Так, Руди Келлер утверждает, что сам Дж.Р. Серль называл свою теорию семантической, а не прагматической [Keller 1975: 51].

Дэниел Вандервекен характеризует разработанную совместно с Дж.Р. Серлем «путем соединения иллокутивной и интенциональной логик» теорию, «в которой излагаются формальные способы определения условий успешности и бездефектности производства различных типов иллокутивных актов», как общую условно-успешностную и условно-истинностную семантику [Вандервекен 1990: 31, 32]. Иными словами, поначалу теория речевых актов была основой иллокутивной логики, имеющей своим предметом иллокутивную силу высказывания (*force*), противопоставляемую пропозициональному значению (*meaning*). Она представляла собой иллокутивное расширение логической семантики, где условно-истинностные аспекты значения суждения уступили место условно-успешностным аспектам смысла высказывания.

Джеррольд Катц называет теорию речевых актов «гибридом семантики и прагматики» [Katz 1980: 150], а Дитер Вундерлих выделяет в ней семантическую и прагматическую части [Wunderlich 1980: 303], считая последнюю расширением семантической теории на естественный язык [Wunderlich 1977: 243]. Жоан Ванпари на основании анализа проблемы иллокутивных глаголов приходит к выводу, что «теория речевых актов, зародившаяся в субъективистском духе (Остин), отошла в сторону объективизма (Серль, Вандервекен)» [Vanparys 1996: 94].

Но наиболее категоричен Маркело Даскал: он противопоставляет монологическую, формальную, конвенциональную, грамматическую, семантическую теорию речевых актов диалогической, неформальной, неконвенциональной, неграмматической, прагматической теории имплицатур [Dascal 1994: 332].

Однако дальнейшее развитие теории речевых актов в рамках лингвистического ответвления прагматики идет по пути усиления принципа антропоцентризма. Коммуникативная прагматика постепенно превращается в когнитивную, а затем и в дискурсивную, что вызвано изменением исследовательского вектора – когнитивизацией и дискурсивизацией.

Если на этапе своего становления прагматика изучала вербальные аспекты речи отдельного говорящего, рассматривая случаи несоответствия между буквально выраженными и реально осуществляемыми речевыми действиями, то постепенно вектор анализа «От языковых выражений к интенциям говорящего» изменился на прямо противоположный – «От интенций говорящего к языковым средствам их выражения». Исходной точкой анализа становится коммуникативная интенция в когнитивистской трактовке – как ментальное состояние коммуниканта, предусматривающее направленность сознания на определенную пропозицию и намерение говорящего донести эту направленность до адресата [Searle 1986]. Если классическая лингвопрагматика изучает прагматические свойства высказываний и речевых актов независимо от когнитивной деятельности человека, то в когнитивной прагматике те же самые единицы – речевые акты – изучаются как коммуникативный процесс, начинающийся в ментальной сфере говорящего, речевой акт понимается как двухступенчатый – «речемышлительный» [Сусов, Безуглая 2009, с. 284]).

Изменение исследовательского вектора, вызванное когнитивизацией и дискурсивизацией прагматики, сближает ее с когнитивной лингвистикой и дискурсивным анализом. На современном этапе лингвопрагматика стала пониматься наиболее широко, о чем свидетельствует определение Джефа Фершуерена: «Прагматика есть общая функциональная перспектива любого аспекта языка, т.е. подход к языку, который учитывает весь комплекс его когнитивного, социального и культурного функционирования в жизни человеческих существ» [Verschueren 1995: 13].

Три этапа развития лингвопрагматики – коммуникативный, когнитивный и дискурсивный – являются отражением расширения принципа антропоцентризма.

На первом (коммуникативном) этапе антропоцентрический принцип в лингвопрагматике предполагал сосредоточение на речевых действиях одного коммуниканта: язык изучается как реализующийся в речи одного индивида.

Второй (когнитивный) этап характеризуется обращением к ментальным состояниям коммуниканта с целью выяснения связи «язык – мышление – речь»: язык понимается как принадлежащий сознанию говорящего и реализующийся

в его речи.

На третьем этапе антропоцентрический принцип расширяется на когнитивное и речевое взаимодействие коммуникантов и их групп в дискурсах различных типов, что знаменует ведущую роль лингвопрагматики в становлении лингводискурсологии. Язык рассматривается как принадлежащий сознанию говорящего и реализующийся в его речи в процессе коммуникативного, когнитивного и социального взаимодействия говорящих и их групп.

6. Выводы

Суммируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что вопрос о соотношении семантики и прагматики решается в зависимости от трактовки этих терминов:

- с точки зрения историографии науки, семантика первична по отношению к прагматике;
- с точки зрения производства и восприятия речевого высказывания, семантика и прагматика взаимообусловлены и неотделимы друг от друга;
- с точки зрения диахронического рассмотрения языка, прагматика первична по отношению к семантике.

В первом случае имеются в виду лингвистические дисциплины, во втором – соответствующие свойства высказываний, в третьем – и то, и другое.

Основное различие семантики и прагматики как лингвистических дисциплин, уровней описания языка лежит в плоскости методологии. Основопологающим методологическим свойством прагматики является принцип антропоцентризма, проявляющийся в рассмотрении содержания высказываний с позиции говорящего субъекта, что позволяет анализировать имплицитные пропозициональные и иллокутивные смыслы, актуализирующихся в дискурсе, в синхронном аспекте, а также процесс их конвенционализации в диахронном аспекте. Напротив, семантика предполагает методологический принцип лингвоцентризма, который обуславливает анализ конвенциональных смыслов высказываний преимущественно в синхронном аспекте.

Перспективным представляется привлечение историко-языкового подхода и рассмотрение соотношения и особенностей взаимодействия исторической семантики и исторической прагматики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.П. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–42.
2. Вандервекен Д. Небуквальные речевые акты / Д. Вандервекен ; [пер. с англ. О.М. Бессоновой] // Концептуализация и смысл. – Новосибирск :

- Наука, 1990. – С. 31–61.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собрание сочинений в 6 томах. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
 4. Зимняя И.А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – С. 85–99.
 5. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3–12.
 6. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз ; [пер. с англ. В.В. Морозова и И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
 7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; [пер. с англ. И.Б. Шатуновского]. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
 8. Сусов И.П. Субъектоцентрическая модель речевого акта / И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Культура народов Причерноморья. – 2009. – Т. 2, № 168. – С. 284–287.
 9. Шенк Р. К интеграции семантики и прагматики / Р. Шенк, Л. Бирнбаум, Д. Мей // Новое в зарубежной лингвистике ; [пер. с англ. Г.Ю. Левина]. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 24. – С. 32–47.
 10. Austin J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge/Mass. : Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
 11. Bach K. The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters / K. Bach // Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 33–50.
 12. Bierwisch M. Semantic structure and illocutionary force / M. Bierwisch // Speech act theory and pragmatics. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 1–36.
 13. Bird G.H. Explicature, Implicature, and Implicature / G.H. Bird // Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 72–91.
 14. Busse D. Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als Ausgangspunkt semantischen Wandels / D. Busse // Diachrone Semantik und Pragmatik. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – S. 37– 65.
 15. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // Mind and Language. – 2002a. – Vol. 17. – № 1–2. – P. 127–148.
 16. Carston R. Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication / R. Carston. – London : Blackwell, 2002b. – 418 p.
 17. Dascal M. Speech act theory and Gricean pragmatics: Some differences of detail that make a difference / M. Dascal // Foundations of Speech Act theory. – London, New York : Routledge, 1994. – P. 323–335.
 18. Gibbs R.W. A New Look at Literal Meaning in Understanding What is Said and Implicated / R.W. Gibbs // Journal of Pragmatics. – 2002. – Vol. 34. –

- P. 457–486.
19. Grice H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Studies in the Way of Words*. – Cambridge (Mass.), London : Harvard Univ. Press, 1991. – P. 22–40.
 20. Grice H.P. *Intendieren, Meinen, Bedeuten* / H.P. Grice // *Handlung, Kommunikation, Bedeutung*. – Frankfurt / M. : Suhrkamp, 1993. – S. 2–15.
 21. Hawley P. *What is Said* / P. Hawley // *Journal of Pragmatics*. – 2002. – Vol. 34. – P. 969–991.
 22. Hermanns F. *Sprechkrafttheorie: Zu einem Fall von Sprachmagie in der Sprachwissenschaft* / F. Hermanns // *Grazer Linguistische Studien*. – 1985. – Heft 23. – S. 35–63.
 23. Katsos N. *The semantics/pragmatics interface from an experimental perspective: the case of scalar implicature* / N. Katsos // *Pragmatics II*. – London, New York : Routledge, 2012. – V. 1. – P. 148–170.
 24. Katz J.J. *Propositional Structure and Illocutionary Force. A study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts* / J.J. Katz. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1980. – 249 p.
 25. Keller R. *Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs – Ein Beitrag zur Semantik und Pragmatik* / R. Keller // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1975. – Heft 3. – S. 49–62.
 26. Korta K. *The pragmatic circle* / K. Korta, J. Perry // *Synthese*. – 2008. – No 165. – P. 347–357.
 27. Levinson S.C. *Pragmatics* / S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. – 420 p.
 28. Levinson S.C. *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature* / S.C. Levinson. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 2000. – 480 p.
 29. Meibauer J. *Pragmatik* / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.
 30. Morgan J.L. *Two Types of Convention in Indirect Speech Acts* / J.L. Morgan // *Syntax and Semantics*. – 1978. – Vol. 9. – P. 261–280.
 31. Müller B.L. *Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen Grundform der natürlichen Sprache* / B.L. Müller. – Bern : Lang, 2003. – 359 S.
 32. Preyer G. *Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik* / G. Preyer // *Intention – Bedeutung – Kommunikation*. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 74–138.
 33. Puntsch E. *Das neue Zitatensbuch* / E. Puntsch. – Augsburg : Bechtermünz, 1997. – 1042 S.
 34. Nieraad J. *Anmerkungen zu: Rudi Keller, Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs* // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. – 1975. – Heft 3. – S. 63–66.
 35. Récanati F. *Direct Reference: From Language to Thought* / F. Récanati. – Oxford : Blackwell, 1993. – XIV, 420 p.
 36. Rolf E. *Der Gricesche Konversationszirkel* / E. Rolf // *Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte*. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 72–91.

37. Sadock J.M. Toward a grammatically realistic typology of speech acts / J.M. Sadock // *Foundations of speech act theory*. – London, New York : Routledge, 1994. – P. 393–406.
38. Schönefeld D. Language production – from thought to utterance / D. Schönefeld // *Kognitive Aspekte der Sprache*. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – S. 223–228.
39. Searle J.R. *Speech Acts* / J.R. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 206 p.
40. Searle J.R. *Meaning, Communication, and Representation* / J.R. Searle // *Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends*. – Oxford : Clarendon Press, 1986. – P. 209–226.
41. Schwarz M. *Semantik* / M. Schwarz, J. Chur. – Tübingen : Narr, 1996. – 223 S.
42. Vanparys J. *Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspektive* / J. Vanparys. – Frankfurt / M. : Lang, 1996. – 249 S.
43. Verschueren J. *The pragmatic perspective* / J. Verschueren // *Handbook of Pragmatics*. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1995. – P. 1–19.
44. Wagner K.R. *Pragmatik der deutschen Sprache* / K.R. Wagner. – Frankfurt / M. : Lang, 2001. – 495 S.
45. Wieggers H. *Propositionaler Sinn: Eine konstruktive Kritik des Searlischen Propositionsbegriff* / H. Wieggers // *Neue Fragen der Linguistik : Akten des 25. Ling. Kolloquiums Paderborn 1990*. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – B. II. – S. 3–8.
46. Wunderlich D. *On problems of speech act theory* / D. Wunderlich // *Basic Problems in Methodology and Linguistics*. – Dordrecht : Reidel, 1977. – P. 243–258.
47. Wunderlich D. *Methodological remarks on speech act theory* / D. Wunderlich // *Speech act theory and pragmatics*. – Dordrecht : Reidel, 1980. – P. 291–312.

REFERENCES

- Arut'unova, N.D., and Paducheva, Y.P. (1985). *Istoki, problemy i kategorii pragmatiki* [Undepinnings, problems and categories of pragmatics] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 16, 3–42 (in Russian).
- Austin, J.L. (1962). *How to do things with words*. Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press.
- Bach, K. (1997). *The Semantics-Pragmatics Distinction: What It Is and Why It Matters* In: *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 33–50.
- Bierwisch, M. (1980). *Semantic structure and illocutionary force* In: *Speech act theory and pragmatics*. Dordrecht: Reidel, pp. 1–36.
- Bird, G.H. (1997). *Explicature, Implicature, and Impliciture* In: *Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 72–91.
- Busse, D. (1991). *Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als*

- Ausgangspunkt semantischen Wandels In: *Diachrone Semantik und Pragmatik*. Tübingen: Niemeyer, pp. 37- 65.
- Carston, R. (2002a). Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics. *Mind and Language*, 17 (1–2), 127–148.
- Carston, R. (2002b). *Thoughts and Utterances. The Pragmatics of Explicit Communication*. London: Blackwell
- Dascal, M. (1994). Speech act theory and Gricean pragmatics: Some differences of detail that make a difference In: *Foundations of Speech Act theory*. London and New York: Routledge, pp. 323–335.
- Gibbs, R.W. (2002). A New Look at Literal Meaning in Understanding What is Said and Implicated. *Journal of Pragmatics*, 34, 457–486.
- Grice, H.P. (1991). Logic and Conversation In: *Studies in the Way of Words*. Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. Press, pp. 22–40.
- Grice, H.P. (1993). Intendieren, Meinen, Bedeuten In: *Handlung, Kommunikation, Bedeutung*. Frankfurt / M.: Suhrkamp, pp. 2–15.
- Hawley, P. (2002). What is Said. *Journal of Pragmatics*, 34, 969–991.
- Hermanns, F. (1985). Sprechkrafttheorie: Zu einem Fall von Sprachmagie in der Sprachwissenschaft. *Grazer Linguistische Studien*, 23, 35–63.
- Katsnel'son, S.D. (1984). Rechemyslitel'nye processy [Speech thinking processes] *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 4, 3–12 (in Russian)
- Katsos, N. (2012). The semantics/pragmatics interface from an experimental perspective: the case of scalar implicature In: *Pragmatics II*. London and New York: Routledge, Vol. 1, pp. 148–170.
- Katz, J.J. (1980). *Propositional Structure and Illocutionary Force. A study of the Contribution of Sentence Meaning to Speech Acts*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press
- Keller, R. (1975). Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs – Ein Beitrag zur Semantik und Pragmatik. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 3, 49–62.
- Korta, K., and Perry, John (2008). The pragmatic circle. *Synthese*, 165, 347–357.
- Lakoff, G. (2004). *Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: Chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind], translated by I.B. Shatunovskii. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian)
- Layons, J. (2003). *Lingvisticheskaja semantika: Vvedenie* [Linguistic Semantics: An Introduction], translated by V.V. Morozov and I.B. Shatunovskii. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (in Russian)
- Levinson, S.C. (1995). *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press
- Levinson, S.C. (2000). *Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature*. Cambridge (Mass.): MIT Press
- Meibauer, J. (2001). *Pragmatik*. Tübingen: Stauffenburg
- Morgan, J.L. (1978). Two Types of Convention in Indirect Speech Acts. *Syntax and Semantics*, 9, 261–280.
- Müller, B.L. (2003). *Der Sprechakt als Satzbedeutung: Zur pragmatischen*

- Grundform der natürlichen Sprache*. Bern: Lang
- Nieraad, J. (1975). Anmerkungen zu: Rudi Keller, Zur Theorie metaphorischen Sprachgebrauchs. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 3, 63–66.
- Preyer, G. (1997). Kognitive Semantik – Sprechaktsemantik In: *Intention – Bedeutung – Kommunikation*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 74–138.
- Puntsch, E. (1997). *Das neue Zitatensbuch*. Augsburg: Bechtermünz
- Récanati, F. (1993). *Direct Reference: From Language to Thought*. Oxford: Blackwell
- Rolf, E. (1997). Der ‚Gricesche Konversationszirkel‘ In: *Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte*. Opladen: Westdeutscher Verl., pp. 72–91.
- Sadock, J.M. (1994). Toward a grammatically realistic typology of speech acts In: *Foundations of speech act theory*. London and New York: Routledge, pp. 393–406.
- Schönefeld, D. (1996). Language production – from thought to utterance In: *Kognitive Aspekte der Sprache*. Tübingen: Niemeyer, pp. 223–228.
- Schwarz, M., and Chur, J. (1996). *Semantik*. Tübingen: Narr
- Searle, J.R. (1969). *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge Univ. Press
- Searle, J.R. (1986). Meaning, Communication, and Representation In: *Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends*. Oxford: Clarendon Press, pp. 209–226.
- Shenk, R., Birnbaum, L., and May, J. (1989). K integracii semantiki i pragmatiki [Integrating Semantics and Pragmatics], translated by G.Y. Levin, *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 24, 32–47 (in Russian)
- Susov, I.P., and Bezuglaya L.R. (2009). Subjektocentricheskaja model' rechevogo akta [Subject centered speech act model] *Kul'tura narodov Prichernomor'ja* [Black Sea Peoples' Culture], 2, 168, 284–287 (in Russian)
- Vanderveken, D. (1990). Nebukval'nye rechevye akty [Non-literal speech acts], translated by O.M. Bessonova In: *Konceptualizacija i smysl* [Conceptualisation and sense], Novosibirsk: Nauka Publ., 31–61 (in Russian)
- Vanparys, J. (1996). *Categories and Complements of Illocutionary Verbs in a Cognitive Perspective*. Frankfurt / M.: Lang
- Verschueren, J. (1995). The pragmatic perspective In: *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, pp. 1–19.
- Vygotski, L.S. (1982). Myshlenie i rech' [Thinking and speech] In: *Sobranie sochinenij v 6 tomah* [Selected works in 6 volumes], 2, Moscow: Pedagogika Publ. (in Russian)
- Wagner, K.R. (2001). *Pragmatik der deutschen Sprache*. Frankfurt / M.: Lang
- Wieggers, H. (1990) Propositionaler Sinn: Eine konstruktive Kritik des Searlischen Propositionsbegriff In: *Neue Fragen der Linguistik*, Akten des 25. Ling. Kolloquiums Paderborn. Tübingen: Niemeyer, 1991., B. II., pp. 3–8.
- Wunderlich, D. (1977). On problems of speech act theory In: *Basic Problems in Methodology and Linguistics*. Dordrecht: Reidel, pp. 243–258.
- Wunderlich, D. (1980). Methodological remarks on speech act theory In: *Speech act*

theory and pragmatics. Dordrecht: Reidel, pp. 291–312.

Zimn'aya, I.A. (1985). Funkcional'naja psihologicheskaja shema formirovanija i formulirovanija mysli posredstvom jazyka [Functional psychological scheme of forming and formulating thoughts using language] In: *Issledovanie rechevogo myshlenija v psiholingvistike* [Studies of speech thinking in psycholinguistics], Moscow: Nauka Publ., 85–99 (in Russian)

Безуглая Лилия Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: bezugla@daad-alumni.de